

Вихрь

Дороти жила посреди великой Канзасской степи, на ферме у дяди Генри и тёти Эмилии. Леса поблизости не было, брёвна приходилось возить на телеге издалека, поэтому домишко фермер выстроил крошечный, в одну комнату: четыре стены, пол да крыша, ни чердака, ни подвала. В этой единственной комнатке теснились ржавая железная печка, буфет, стол, три, а может, четыре стула и две кровати — в одном углу большая, в другом маленькая. На большой спали дядя Генри и тётя Эмилия, на маленькой Дороти. А под домиком был вырыт тесный погребок, и когда налетал степной вихрь, сюда пряталась вся семья, ведь в свирепую бурю не устоял бы и самый крепкий дом. Спускались в этот спасательный погребок через лаз в полу, по лесенке.

Дороти часто стояла на пороге, глядела окрест, но, кроме серой бесконечной равнины, глядеть было не на что. Ни деревца, ни дома — со всех сторон, точно огромное плоское блюдо, лежит степь, далёкими-далёкими краями смыкается с небом... Пашня иссушена солнцем, серая земля потрескалась. Даже трава не зеленеет: длинные стебли, как и всё вокруг, посерели под палящим солнцем. Домик фермера, некогда выкрашенный в яркий цвет, тоже стал серым и унылым — от зноя краска полопалась, и её смыли дожди.

ветви преграждали путь. Тут и обнаружилось, как хорошо путешествовать с Жестяным Дровосеком: новый товарищ пустил в дело топор и живо прорубил в зарослях проход.

В одном месте на дороге не хватало нескольких кирпичей. Болваша, как обычно, шагнул прямо в ямку, не удержался на ногах и кубарем полетел на обочину. Дороти, о чём-то задумавшись, этого не заметила, и ему пришлось громко звать на помощь.

— Что ж ты не обошёл яму? — поинтересовался Жестяной Дровосек.

— Не сообразил, в голове-то солома! — бодро ответил Болваша. — Потому и хочу просить у Оза мозги.

— Понятно, — сказал Жестяной Дровосек. — И всё же мозги — не самое главное на свете.

— Как это? — удивился Болваша. — У тебя самого-то что в голове?

— Теперь ничего, пусто, раньше были мозги. А ещё было в груди сердце... Так что поверь на слово — сердце важнее.

— Это почему?

— А вот послушай...

И жестяной человек начал свой рассказ.

— Я — сын здешнего дровосека, мой отец рубил и продавал лес и тем зарабатывал на жизнь. Я, когда вырос, стал ему помогать. Вскоре отец умер, и мы со старушкой матерью остались вдвоём. Я, как умел,

Сейчас Дороти больше всего тревожило иное: в корзинке оставалось совсем мало хлеба, им с Тото едва хватит на ужин. Дровосеку с Болвашей есть не надо, но она-то не жестяная и не соломенная, может умереть с голоду...

— А мозги у тебя есть? — осведомился Болваша.

— Думаю, есть. Но вообще-то я точно не знаю, что там у меня в голове...

— У меня — солома, — сказал Болваша. — Поэтому я хочу попросить у Великого Оза немного мозгов.

— А я попрошу сердце, — подхватил Жестяной Дровосек.

— А я — чтобы он отправил нас с Тото домой, в Канзас, — добавила Дороти.

— Как, по-вашему, не даст ли мне Оз отваги? — спросил Боязливый Лев.

— Он Великий Чародей — и мозги даст, и отвагу, — рассудил Болваша.

— И сердце, — вставил Жестяной Дровосек.

— И домой меня сумеет отправить, — сказала Дороти.

— Тогда, если вы не против, я пойду с вами, — решил Лев. — Не хочу больше быть трусом...

— Мы очень даже не против, — сказала Дороти. — Ты будешь распугивать диких зверей. Мне кажется, они тоже бояки, раз от тебя убегают.

— Так-то оно так, — согласился Лев. — Но мне от этого не легче... Пока не стану смелым — не успокоюсь.

